

Новиков Антон Витальевич

аспирант кафедры культурологии и литературы
Шуйского филиала
Ивановского государственного университета,
учитель русского языка, литературы, истории
Палехской средней общеобразовательной школы

РОССИЯ И ЗАПАД В ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИКАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

Аннотация:

В статье представлены отличительные черты России и Запада по следующим категориям: 1) роль религии в жизни человека; 2) особенности быта, традиций. В исследовании отмечено исторически сложившееся различие в менталитетах русского и западного человека, а также показано разное отношение к Смутному времени.

Ключевые слова:

А.Н. Островский, драматургия, исторические хроники, Россия и Запад, культура русского народа, Смутное время.

Novikov Anton Vitalyevich

PhD student, Cultural Science
and Literature Department,
Shuya branch of Ivanovo State University,
Teacher of Russian, Literature and History
at the Palekh municipal comprehensive school

RUSSIA AND WESTERN COUNTRIES IN THE HISTORICAL CHRONICLES OF A.N. OSTROVSKY

Summary:

The article covers peculiar features of Russia and West according to the following categories: 1) the role of religion in the life of a person; 2) the specifics of lifestyle and traditions. The author considers historically formed differences in the mentalities of a Russian and a Western persons, as well as different interpretation of the Time of Trouble.

Keywords:

A.N. Ostrovsky, dramaturgy, historical chronicles, Russia and West, culture of Russian people, the Time of Trouble.

Россия и Запад в исторических хрониках Островского – два антагонистических культурно-исторических образа.

Наше государство сформировалось как особый замкнутый мир, враждебно относившийся к иноземцам, жившим по своим законам. Драматург особое внимание уделяет быту человека, видя в нем непосредственное проявление особенностей национального характера. И.А. Овчинина пишет: «Народное единство и соборность осмысливаются как фундаментальные начала жизни нации, в которых отразился ее дух, психология, нравственность» [1, с. 204].

Значительное влияние на характер русских людей оказывало православие. Стоит отметить тот факт, что христианство является общим элементом для русского и европейского человека. «По словам медиевиста Й. Хейзинги, “жизнь средневекового христианства во всех отношениях проникнута, всесторонне насыщена религиозными представлениями. Нет ни одной вещи, ни одного суждения, которые не приводились бы постоянно в связь с Христом, с христианской верой. Все основывается исключительно на религиозном восприятии всех вещей...”. Обрисовывая эту сущностную особенность средневекового мирозерцания, Островский постоянно вводит в тексты своих народных драм, комедий и хроник обрывки молитв, цитаты из духовной литературы, христианские сентенции и нравоучительные изречения». [2, с. 81–82]

Смута, потрясая Русь, стала временем духовного испытания для народа, который оценивал эту катастрофу только с точки зрения нравственности. Для Козьмы Минина Бог – это не просто высшая сила, но и заступник России, единственная и последняя надежда: «Нам теперь одна надежда – На бога. Помощи откуда ждать!» [3, с. 39]. Православная вера становится единственным ориентиром в этот период. Смута, всколыхнувшая все государство, для религиозного человека была катастрофой, временем, когда стали появляться апокалипсические настроения. Об этом и упоминает Минин:

«Как только вам не грех воришек слушать,
Бездельных, шлющихся! Развесьте уши –
Им на руку, они тому и рады.
Их много изрыгнул на Русь святую
Огнедыхательный диавол, поядатель
Душ человеческих, злехитрый змей» [4].

«Не социальный протест, а инстинкт государственного единения и жгучая обида за оскверненные религиозные святыни увлекают простого новгородского купца Минина на великий

патриотический подвиг» [5, с. 6]: «Друзья и братья! Русь святая гибнет! / Друзья и братья! Православной вере, / В которой мы родились и крестились, / Конечная погибель предстоит» [6].

Бог – единственная сила, которая может управлять жизнью человека, наказывать за грехи, а после покаяния вновь дарует милость человеку. Об этом и говорит Козьма:

«Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
Придет пора, молитвой и слезами
Святителей и праведных людей
Разящий гнев господень утолится
И нам, смиренным, снидет благодать.
Господь смиряет и господь возносит,
Введет в беду и изведет из бед» [7].

Русский человек, обращаясь к Господу, заботится, прежде всего, о чистоте души, о нравственном своем совершенствовании. Западный человек обращается к Богу лишь для собственной наживы, собственной корысти. «Русь совсем не свята и не почитает для себя обязательно сделаться святой и осуществить идеал святости; она – свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижениях познания или общественной справедливости, в торжестве культуры, в творческой гениальности» [8, с. 112].

«Островский вводит в действие своих пьес литургическое измерение времени. Путем возведения бытовой эмпирии к бытию абсолютному он замыкает временную цепь и вызывает “короткое замыкание” между двумя планами бытия – мирским и мировым» [9].

Православие – не только объединяющий фактор в эпоху катастрофы, но и основа жизни, формирующая духовную культуру. Запад не столь религиозен. Государственная катастрофа на Руси становится лишь предметом обогащения польских панов.

Не только православие объединяло русских людей. Бытовая культура нашего народа – явление своеобразное. Народная жизнь, тесно переплетаясь с православием, приводила к появлению такого понятия, как “бытовое православие”, в котором отразилась реально сложившаяся религиозно-обрядовая практика русского народа, и в первую очередь крестьянства» [10, с. 647].

Важной для русского человека была память и, вместе с ней, почитание усопших родственников. Перед венчанием на царство государи были обязаны посетить умерших родителей. Усыпальницей великих московских князей был Архангельский собор московского Кремля. Об этом говорят в народе: «К Архангелу, к родителям пошел!» [11]. У Островского царь неотделим от национальных традиций. Как и простой народ, монарх почитает умерших родителей. Дмитрию чужды традиции русских. Его шествие в Архангельский собор, «к родителям», – обряд, лишённый всякого сакрального смысла, не имеющий никакого психологического отклика в душе.

Мотив памяти в исторических хрониках присутствует на протяжении всего действия: русский человек вспоминает не только своих ближних родственников, но и царей (Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова). Такой ракурс художественного изображения жизни человека выявляет сущность народа: он размышляет о жизни минувшей и настоящей, сравнивая, таким образом, недалекое прошлое со «смутными» временами. Мотив памяти «собран» драматургом из различных религиозных и общекультурных элементов. К религиозным можно отнести родительскую субботу, о которой упоминает драматург:

«Басманов
За упокой-то
Ты сродников своих помянешь после.
Масальский
Ты подожди родительской субботы» [12].

У русских людей было принято поминать усопших родственников в определенный день – субботу, которая считается днем покоя и, следовательно, наиболее подходящим для молитвы.

К общекультурным элементам относится память об эпохе Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова. Если поминание родителей связано с духовной культурой, то воспоминание о правлении Грозного связывается с государством, когда власть была представлена законным царем, и, следовательно, в стране был порядок. Такая ретроспектива расширяет временное пространство хроники. Стоит отметить тот факт, что народ предстает в нерастор-

жимом единстве с царями, правителями государства, а значит, Русь в его понимании – одна большая семья.

Важно отметить взаимоотношения детей и родителей у русских людей в исторических хрониках Островского. Почитание, уважение, благоговение перед взрослыми и старшими людьми было делом каждого человека: «Ты лет не чтишь, ты сдуру поднял руки / На старика седого!» – заключает Калачник [13]. Без родительского благословения молодежь не начинала важных дел.

Русский народ привычен к жестокости царей, к казням: «Изменников и Бог велит казнить» – заключают в народе [14]. Образ жестокой Руси возмущает Самозванца: «Вы знаете одно лишь средство – страх! / Везде, во всем вы властвуете страхом...» [15].

Интриги становятся для Руси частью жизни «высшего» сословия. Басманов предупреждает Самозванца: «Великий царь, не верь своим боярам, / Не верь речам, улыбкам и поклонам...» [16]. Дмитрий не хочет править по жестоким «татарским» законам – такое непринятие русской жизни приведет к его гибели. Самозванец признается: «Я себе оставлю / Одно святое право всех владык – / Прощать и миловать» [17].

Русский народ жил общиной. Такой уклад формировал определенную психологию поведения и уклад жизни. Самозванец, обращаясь к Шуйскому, произносит: «Иль тебе не страшен <...> суд мирской?». Такое обращение указывает на важность общественного мнения. Община (мир) становится не только тем элементом, который объединяет народ, сохраняет нравственные основы нации, но и порицает. Самозванцу чужда идея общинности, так как Запад воспитывал и развивал, прежде всего, личностное начало. И.Е. Забелин пишет, что на Руси «идеал хорошего, достойного человека личность искала не в самой себе, а в своем отечестве...» [18, с. 22].

Россия в исторических хрониках Островского не просто замкнутое государство, но страна с высокой культурой, своеобразным бытом и традициями.

Запад представлен в хрониках, прежде всего, Самозванцем и Мариной Мнишек, дочерью знатного польского шляхтича.

Самозванец – главный противник Шуйского в борьбе за престол. Он не знает особенностей русской жизни, ее устройства. «Происходит национальная драма, драма столкновения коренного, органического, общего с индивидуальным, особенным, неорганическим» [19, с. 31].

Василий Шуйский резко отзывается о вере Самозванца: «...с ним два попа латинских». Эпитет «латинский» указывает на католическую веру, что было недопустимо для русского государя. Существительное «поп» имеет пренебрежительную окраску, что указывает на пренебрежение не только к иноверцам, но и к лжецарю. Тем самым Запад враждебен был нашему государству.

Дмитрий Самозванец активно проводит политику римского папы по превращению православного Московского государства в католическое. Об этом и говорит иезуит Самозванцу: «Давно умы святейших наших пап / Обращены на этот север дальний» [20]. А.Н. Островский здесь исторически точен: неоднократно католическая церковь предпринимала попытки по «религиозному завоеванию» Руси. «Давно умы святейших наших пап...» – ретроспектива, позволяющая осознать всю катастрофичность сложившейся ситуации, так как решался вопрос: быть Московскому государству католическим или нет. В образе «дальнего севера» Островский запечатлел всю Россию. Эпитет «дальний» создает пространство, дистанцирует Запад и Россию, а наступление войск Самозванца на Русь и его конечное воцарение превращается в крестовый поход. Кроме этого, выражение «святейших пап» употребляется только в католической традиции.

Стоит также сказать о различии менталитетов. Отношение Самозванца к Марине, будущей царице, отличается от принятого на Руси, где женщина по своему социальному положению была ниже мужчины. Марина Мнишек верно указывает, что русские женщины «по мужу лишь царицы» [21]. Однако она не желает разделить такую участь, она хочет стать полноправной правительницей Московского государства: «А я хочу теперь короноваться, / Девицею, и мне твои бояре / И воинство пусть так же крест целуют / На подданство, как и тебе» [22]. Для Самозванца равноправие с женщиной – обычное явление. Для нашей страны равенство мужчины и женщины в правах, в социальном статусе было недопустимым. В этом видится отличие Самозванца от истинно русских царей. Критик И.И. Иванов пишет об отношениях Лжедмитрия и Марины: «...он – жертва увлечения, жертва бурной безотчетной страсти, она – холодная, практически расчетливая, честолюбивая кокетка» [23, с. 43].

Самозванец сам видит разницу между русскими и западными женщинами: «Красавицы в Москве у вас не редкость, / По красоте им равных не найдешь / <...> Литовские красавицы не то! / В очах огонь, в речах замысловатость! / То ласкою безмерною дарят, / то гордостью нежданною окинут. / Им приказать нельзя, нельзя принудить / Любить тебя; а долго и прилежно / Ухаживать тебя они заставят» [24].

Женщине на Руси не принято было выбирать женихов, важно было решение родителей. Самозванец, живущий по западным обычаям, желает покорить сердце девушки, как это было принято в Европе: «Желал бы я пред нею / С соперником сразиться...» [25]. Однако Масальский предупреждает: «Вели любить, и разговор короток».

Русь, представляя собой замкнутое государство, привыкла к тому, что нация была однородна: не допускалась жизнь иноверца рядом с православным, «смешение» наций было недопустимым. Запад в этом отношении был более демократичным. Если свита русского царя состояла только из русских бояр, то приближенные Самозванца – это поляки, немцы, народ разных национальностей. Это не тревожило представителей Запада, но для русского человека это было невозможным. Поэтому столь эмоциональна реакция из народа:

«Голоса в народе
К Архангелу, к родителям пошел!
1-й голос из народа
Какой народ за ним! Все в разном платье.
2-й голос из народа
Известно кто: черкасы, угры, ляхи» [26].

«Разное платье» – многочисленные национальности, окружавшие Дмитрия Самозванца. Такое «смешение» наций воспринималось враждебно русским народом. В этом – отличие России и Запада.

Русь – страна консервативная. Строгое соблюдение обычаев было для европейцев обязательным элементом повседневной жизни. Марина Мнишек произносит: «Смешной народ, обычаев старинных / Он изменить не может» [27]. Такое консервативное устройство жизни русского человека порождало особый быт, культуру, мировоззрение. То, что было свято для русского человека, у западного не находит отклика в душе, кроме негативной оценки. Марина, привыкшая к подобному течению жизни, признается: «...трудно мне и скучно привыкать / К поклонам их тяжелым, к дикой речи / И поступи размеренной и тихой...» [28]. Особенности русской жизни (поклоны, «дикая речь») чужды западному человеку, для него это «скучно».

Островский, таким образом, противопоставил Русь и Запад не только «внешне», но и «внутренне», с точки зрения сложившегося менталитета и, соответственно, мировоззрения.

Ссылки:

1. Овчинина И.А. Русская история и национальный характер в пьесе А.Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Суворук» // Духовно-нравственные основы рус. лит-ры. Ч. 1. Кострома, 2007.
2. Шалимова Н.А. Человек в художественном мире А.Н. Островского. Ярославль, 2007.
3. Островский А.Н. Собрание сочинений в X т. Т. V. М., 1960.
4. Там же. С. 33–34.
5. Лебедев Ю.В. О национальном своеобразии драматургии А.Н. Островского // Литература в школе. 2008. № 8.
6. Островский А.Н. Указ. соч. С. 100.
7. Там же. С. 87.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2010.
9. Шалимова Н.А. Указ. соч. С. 111.
10. Русские: история и этнография. М., 2008.
11. Островский А.Н. Указ. соч. С. 31.
12. Там же. С. 36.
13. Там же. С. 127.
14. Там же. С. 53.
15. Там же. С. 45.
16. Там же. С. 46.
17. Там же. С. 50.
18. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2012.
19. Москвина Т.В. Русская история в «Совестном суде» А.Н. Островского // Островский А. Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский. СПб., 2007.
20. Островский А.Н. Указ. соч. С. 47.
21. Там же. С. 105.
22. Там же.
23. Кашин Н.П. Драматическая хроника А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» // Журнал Мин. народ. просвещ. Петроград, 1917. № 6.
24. Островский А.Н. Указ. соч. С. 93.
25. Там же. С. 64–65.
26. Там же. С. 61.
27. Там же. С. 100.
28. Там же.

References:

1. Ovchinin, IA 2007, 'Russian history and national character in the play, AN Ostrovsky "Kozma Minin Zaharich, Sukhoruk»', *Spiritual and moral foundations in Russian literature*, part 1, Kostroma.
2. Shalimova, NA 2007, *People in the art world AN Ostrovsky*, Yaroslavl.
3. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow.
4. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, pp. 33-34.
5. Lebedev, YV 2008, 'On the national distinctiveness drama AN Ostrovsky', *Literature at school*, no. 8.
6. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 100.
7. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 87.
8. Berdyaev, NA 2010, *The fate of Russia*, Moscow.
9. Shalimova, NA 2007, *People in the art world AN Ostrovsky*, Yaroslavl, p. 111.
10. *Russian history and ethnography* 2008, Moscow.
11. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 31.
12. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 36.
13. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 127.
14. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 53.
15. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 45.
16. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 46.
17. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 50.
18. Zabelin, IE 2012, *Home life Russian queens in the XVI and XVII centuries*, Moscow.
19. Moskvina, TV 2007, 'Russian history in the "conscientious judgment" AN Ostrovsky', Ostrovsky A. Dmitry Samozvanec and Vasilii Shuiski, St. Petersburg.
20. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 47.
21. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 105.
22. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 105
23. Kashin, NP 1917, 'Dramatic Chronicle AN Ostrovsky " Dmitry Samozvanec and Vasilii Shuiski "', *Journal of Min. people. Enlightened*, Petrograd, no. 6.
24. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 93.
25. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, pp. 64-65.
26. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 61.
27. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 100.
28. Ostrovsky, AN 1960, *Works in X vols*, vol. V, Moscow, p. 100.